

Инновации в грамматической системе болгарских переселенческих говоров юга Украины

В статье описаны особенности морфологической системы болгарских переселенческих говоров Одесской области, вызванные влиянием восточнославянских языков и активизацией некоторых морфологических процессов, архаичных для болгарского языка, но продуктивных в современных русском и украинском языках.

Ключевые слова: болгарский язык, морфология, диалектология, языковые контакты, болгарско-русская интерференция.

Морфология — глубинный языковой ярус. Исследователи неоднократно отмечали крайне медленные темпы ее самодвижения и непроницаемость для внешних воздействий. Грамматика вместе с фонетикой отличаются большей устойчивостью к воздействиям извне, меньшей восприимчивостью к смене общественных формаций и идеалов.

Интерференция на грамматическом уровне — сравнительно редкий и сложный случай языкового взаимодействия. "Если интерференция на лексическом уровне затрагивает, образно говоря, сам строительный материал языка, то интерференция на типовом, грамматическом уровне существенным образом сказывается на самой системе действующих в момент речи правил создания и функционирования языковых единиц, определяет само исходное начало, организующее речевую деятельность, творческие процессы говорения и понимания" [2:287]. В своих истоках интерференция на грамматическом уровне, по мнению Е. И. Деминой, связана с преодолением противоречий между закономерностями порождения высказывания, действующими в одном из находящихся в условиях длительных контактов языков, и правилами порождения текста, действу-

ющими в другом языке в аналогичных условиях, в той же информативной и коммуникативной ситуации. Иными словами, о том, что имела место интерференция на грамматическом уровне, очевидно, речь может идти лишь при наличии изменения на уровне модели языкового осмысления и представления внеязыковой действительности у носителей одного языка под влиянием модели осмысления того же содержания носителями языка — доверие источника тех или иных сдвигов. Об инновациях в способе языкового мышления у носителей языка есть основание говорить лишь в том случае, если соответствующие сдвиги привели к возникновению новых единиц языка, т. е. если инновация закреплена как в плане содержания, так и в плане грамматического выражения этого содержания, в системе новых формально-семантических оппозиций, в том числе в новых грамматических категориях.

Изменения в морфологической системе, даже и незначительные, обычно обнаруживают себя в периоды социальных потрясений. Русисты отмечают, что это наблюдалось в русском языке в начале — середине XX в., когда в революционную эпоху морфология испытала некоторые изменения. "Хотя каждое из них незначительно, в целом все они создают необычную для морфологии картину текучести, изменчивости морфологических отношений" [9:10]. В истории болгарского языка инновации в грамматической системе фиксируются исследователями начиная с XII—XIII веков. Именно языковой интерференцией известный болгарский лингвист В. Георгиев объясняет возникновение балканского языкового союза: "Возникновение языкового союза обусловлено языковой интерференцией, т. е. различными формами билингвизма, восходящим к субстрату, адстрату и суперстрату" [1:401]. Это артикль, редупликация (дублирование местоимений), пересказ, адмиратив и другие так называемые грамматические балканизмы. Именно эти грамматические формы испытывают нестабильность и вариативность употребления в болгарских переселенческих говорах юга Украины, функционирующих в небалканской языковой среде. Процессы нивелирования этих категорий необходимо, на наш взгляд, рассматривать в историческом аспекте, выяснив истоки и процесс их становления в болгарском литературном языке.

Так, адмиратив и пересказ возникли в болгарском языке на основе старого перфекта — старая глагольная система постепенно приспособлялась к грамматикализации ранее не формализованных аспектов опыта. Существует ряд гипотез, объясняющих происхождение указанных модальных категорий: 1. Указанная система модальных категорий болгарского глагола возникла под влиянием внутренних "самобытных" законов развития болгарского глагола еще в древнеболгарский или ранний среднеболгарский (XII—XIII ст.) период; 2. Данная система обязана своим происхождением болгаро-тюркским ранним контактам, связанным с воздействием со стороны тюркского протоболгарского племени Аспаруха и других тюркских диалектов (гуннов, авар, куманов, печенегов и др.) на Балканском полуострове, или более поздним, имевшим место в период владычества османской империи на Балканах (XIV—XIX в.); 3. Категория пересказывания и адмиратив в балканских языках являются результатом экспликации в языковом коде балканской модели мира, в частности характерной для нее оппозиции внутренний/внешний [13]. Ни одна из этих гипотез сама по себе не имеет доказательной силы. Так, Е. И. Демина пересказ (или так называемое несвидетельское наклонение) относит к числу балканизмов, учитывая при этом и роль тюркского (турецкого) влияния [2:290]. Св. Иванчев, не отрицая возможности турецкого влияния как катализатора, объясняет появление пересказывательных форм явлением синтаксической конденсации: *Той казва, че Иван е чел книга — Иван е чел книга — Иван чел книга* [4:125]. Но это не объясняет причины создания принципиально новой системы модальных оппозиций, которая обязательно должна учитываться в акте сегментации внеязыковой действительности и синтеза любого высказывания на болгарском языке, "которая существенно сказалась на самой языковой модели мира и языковом менталитете носителей болгарского языка" [2:291].

Что же явилось причиной столь бурного развития болгарской глагольной системы? По мнению Е. И. Деминой, пересказ в болгарском языке возник в результате своего рода грамматического кодифицирования ранее неизвестного балканославянским языкам способа семантического членения внеязыковой действительности, начальным толчком к возникновению которого могло послужить тюркское влияние: "Представляется очевидным, что причиной этого могло явиться только изменение самого способа семантического "картирования" действительности, потребовавшего определенных сдвигов и на уровне языкового мышления [2:293]. В этом смысле только на

первый взгляд кажется "наивным" утверждение Й. Трифонова: "Едва ли можно сомневаться в том, что на создании специального способа выражения данного различия отразился наш народный характер. Мы настолько осторожны, что даже в языке стремимся подчеркнуть на каждом шагу то, что мы видели своими глазами, и то, о чем только слышали от других людей" [10:169]. По-видимому, именно потребность говорящего разграничивать оценки своей позиции по отношению к сообщаемому и связанный с этим особый менталитет могли явиться причиной, вызвавшей к жизни новые модальные категории болгарского глагола, закрепленные в соответствующим образом организованной системе грамматических единиц. В целом балканисты рассматривают пересказ как одно из проявлений балканистических процессов, генезис которых разумно искать во всей сложной ситуации многовековых языковых контактов на Балканском полуострове, а не только непосредственно в болгаро-турецком билингвизме. Эта категория не свойственна другим славянским языкам, нивелируется в исследуемых говорах, формально сохраняясь лишь в некоторых частопотребительных фразах.

В современном болгарском языке редуцируется категория падежа у местоимений. Исследователи отмечают, что в настоящее время происходит вторая фаза аналитического преобразования местоимений [11]. Этого не происходит в исследуемых говорах. Заложенные в диалектной системе внутренние потенции позволяют болгарским переселенческим говорам сохранять аналитическую структуру, но, развиваясь в падежной, безартиклевой среде, исследуемые диалекты не теряют и своих синтетических форм. Так, отмеченная в современном болгарском литературном языке тенденция к утрате падежных форм имени и к активному исчезновению из употребления счетной формы в исследованных говорах не проявляется.

По мнению болгарских исследователей, счетная форма исторически обречена. В одной из своих статей — "Реквием за бройната форма на съществителните имена от мъжки род" — Иван Харалампиев отмечает, что в современном болгарском языке она характерна только для существительных мужского рода, ее употребление непостоянно и труднорегулируемо [12:64]. Ряд сдвигов в норме языка как саморегулирующейся системы с возможностью реализации заложенных в ней потенциалов является результатом внутренних тенденций его развития. Сравни, например, замену счетной формы обычной формой мн.ч. типа *пет войници* /вм. ранее принятого *пет войника* /, ныне кодифицированную. Причины разрушения счетной формы в болгарском языке времен исчезновения форм женского и среднего рода болгарские ученые объясняют переходом болгарского языка от синтетизма к аналитизму и совпадением форм именительного падежа мн. числа существительных женского и среднего рода с соответствующими счетными формами. "Сохраненная и до наших дней счетная форма существительных мужского рода входит в противоречие с требованиями системы — любая грамматическая именная категория должна иметь формальные маркеры для всех родов" [12:21].

Сохранению в исследуемых говорах счетной формы способствует функционирование диалекта в "падежной" среде, билингвизм носителей говора и совпадение этой граммы с формой русского родительного падежа. Так, сочетание "два ученика" произносится в исследуемых говорах, как и в русском языке, с ударением на последнем слоге, в отличие от болгарского литературного — с ударением на предпоследнем. Утрате этой категории в говорах способствует унификация грамматических средств, выражающих одни и те же или подобные значения. Так, заимствованные существительные в сочетании с числительными и лексемами *колко*, *няколко*, *толкова* приобретают в исследуемых говорах форму либо на -а (как и счетная форма), либо на -и или -ови (как формы множественного числа). В речи одного и того же информанта встречаются, например, формы: *Има някулку пресни источника и има някулку пресни источники. Ф класа трийси ученика и Ф класа трийси ученики.*

Существительное *джам* (диал. "окно") с числительными употребляется в счетной форме — *два (три) джама*, а с местоимением *колко* — чаще в форме множественного числа: *Колку дж'амуй има у нас? "Сколько у нас окон?"* Возможно, это происходит под влиянием русского или украинского языка, где в сочетании с лексемами *сколько*, *несколько* существительные употребляются в форме множественного числа.

Наиболее последовательно счетная форма употребляется с числительным *два*, что объясняется вокальной гармонией, возникающей при сочетании этих форм. По мнению П. Пашова, "су-

ществует взаимная зависимость между обликом два и счетной формой существительных мужского рода, которые всегда заканчиваются на -а/-я после этого числительного. Это своего рода вокальная гармония" [8:115]. Таким образом, специфика окончаний этих форм поддерживается в исследуемом регионе функционирующими в русском языке формами родительного падежа с теми же окончаниями при сочетании с числительными.

Появление новых синтетических форм в исследуемых болгарских говорах связано с характером заимствований из русского языка. Это чаще всего вводные слова, предложные сочетания, клишированные фразы, формулы вежливости, канцеляризмы, речевые штампы. *Задачит'е на ближайшо вр'еми тр'аба да р'ешавами..., оч'ен' атрадно, ч'е имами уже... Йест'ественно, че... По крайн'ей м'ер'е... /Задунаевка/, Дв'ести л'ет тому назаг било тва... Оч'ен' даже приятно... Самый п'ервый пр'етсидатил' б'еши той. Награди гу с орд'ен Красной Зв'езды /Благоево/. Аснавнайа причина, на възгяг историков, било тва, чи българти искали да са сухранът къкту нарот. /Новая Ивановка/. Зар'анци станаха на н'акулку нар'атка по-гор'е. Ас б'ах участник народново танцивал'ново ансамбл'а /Заря/ Жит'елити влад'али ас пахотна и синокосна зими площад'у саставлявши с'ем' тыс'ач д'ес'атини. Кроме того, это могут быть и частоупотребительные сочетания: за столом, с приездом, с изюмом и лимоном, на берегу, в переводе, в тесном кругу, в часиков шесть, ученики пятого класса и др. Как видим, заимствования нередко сохраняют грамматические формы русского языка.*

Сочетания с предлогом в исследуемых говорах, на наш взгляд, подверглись в наибольшей степени интерференции. Стабильные позиции занимают только предлоги на, в, с, значение которых во многих случаях совпадает со значением этих предлогов в русском и украинском языках. В речи старшего поколения предложные сочетания почти не отличаются от тех же в метрополии, если они, конечно, не являются калькой русских сочетаний или заимствованиями. *И т'е дават в аснавном пасуда /Яровое/ В аснавном од'а малад'ожу и кр'ьснику. /Криничное/ П'ер'есил'енийету ут васточната част' на Балгарийа в аснавном било в Румынийа, Молдова, Б'е-сарабийа. /Новая Ивановка/. В опшч'ем, ф с'елу (вм. в селото) има дивидис'е идин гиран /Огородное/ По с'ей д'ен' таквис абычаи /Криничное/.*

В речи молодого поколения таких отступлений от нормы значительно больше, что отражает речемыслительные процессы другого (русского) языка: *Кту с'еннат за столом ф п'ервуюу очерет' ришават га ши б'ди свадбата. За стол (вм. на масата) с'адат руднит'е на булката. С'етн'ак т'е тургат гостит'е за столом, и тугас ув'еждат младит'е при т'ах. Пудир туй с'адат за столом, гул'айат. С'адат за стол /Ровное/. Гостити фл'ават ф къшти и с'адат за столом /Огородное/. Т'е пригласяват сичкити за стола и са нач'ева гул'ай фаф булката. Пуд'ар туй пригласяват сичкити за стола /Яровое/. Малад'ожу с'ада за стол. Катунам'аст'ат стуло, сичката руднина излаз'а на улцата и с'ада за своју си стол (вм. на своята маса). С'етн'а с'адат за стуло, сичкит'а дават тостуви /Криничное/. И ход'аха да п'ейат пу с'елу и мол'аха за дъш /Тарутино/. После с'адат сичкити в машинити, од'ат пу с'елу за да вид'ат сичкити булката /Огородное/. Пу с'ело нос'ат на гр'ьбо ян'ч'ето в Йан'ев д'ен /Кулевча/. Пудар тва сичкити фл'ават за фтори стол (вм. на втората маса) /Огородное/. Свадбарит'е дувиждат кумъ и сичкити с'адат за стола да гул'айат /Тарутино/. Хората с'адат за стола, нийат, идът, танцуват /Заря/. С'ега н'е соба, а полузрубок с плиткойу. Ц'ал д'ен топло, пак п'ер'ед в'еч'ером стана студ'ено /Катаржино/. У пости (вм. през постите) н'амаши збори. Кут пристани мумата б'ес сагласийе (вм. без съгласието), тугава ни дават радит'ели выкуп. Радит'ели ду сватовства (вм. сватосването) ни са знакомиха /Яровое/. У мамы има в'еш по-старо. (вм. майка ми има) /Криничное/. Несвойственные литературному болгарскому языку формы и сочетания в ряде случаев (и чаще всего) могут быть объяснены калькированием: У булката дома (рус. У невесты дома) вм. болг. в къщата (в дома) на булката.*

Кроме падежной формы *за столом*, употребление сочетаний с падежной формой характерно и для других видов обстоятельств: *Пак зат селуту, на берегу на г'олу, били ино вр'ам'а татарскит'а гробишт'а /Криничное/. Ф с'елуту дувиждат п'ервит'е българи ф поисках свабодна зим'а /Яровое/.*

Обращает на себя внимание устойчивое употребление формы *за столом* в разных дистантных зонах. Специфику лексемы *дом* отмечали исследователи в 1950-ые гг. в чушмелийском говоре:

"Не имеет артикля и слово дом, стоящее на границе между наречиями и существительными. А также со словом *клас* (в школе), "видимо, ввиду его семантической близости к словам — единицам измерения, с одной стороны, и ввиду того, что оно обычно бытует лишь в русской речи носителей говора (чаще — в школе), а в болгарской — значительно реже: *колку класа имаш?* — *имам шес' класа*, — *ше оде дисет'уу клас; учи са първ'уу клас*." [3:53]. В исследованных нами материалах существительное *клас* употребляется и в артиклевой форме: *Л'азуу вътр'а класу*.

Как известно, некоторые болгарские говоры сохранили остатки падежной системы, что лучше всего отражено в народных песнях, в том числе в тех, которые записаны в Бессарабии. Например, архаичные формы наречий сохраняют падежные формы (*У многому има ромели* /Криничное/), в песнях находим формы творительного падежа (*И си сином думаша* /Катаржино/). Кроме несомненного влияния падежного инославянского языка, здесь может идти речь о реконструкции старых падежных форм, реликты которых сохранились в диалектах и народных песнях.

Пропуск предлога в ряде случаев можно также объяснить интерференцией или калькированием: *С'елото имаше название Михай ф'ч'ест'* (вм. *в чест на*) *румунскийя цар Михай Антей* (ср.рус.: *в честь румынского царя Михая Антея*).

Избыточные, гипертрофические формы артикля при калькировании, на наш взгляд, в ряде случаев компенсируют окончания прилагательных, имеющиеся в русском языке: *Ф трийс'атити гудини са установи румънската власт'* (ср. рус.: *В тридцатые годы установилась румынская власть*) /Яровое/. *В'елид'ен са празнува ух нид'ел'ата пудир първуту в'ес'енийу* (вм. *пролетно*) *палналунийе* (ср. рус.: *после первого весеннего полнолуния*) /Петросталь/. Этим можно объяснить, вероятно, повсеместное употребление лексемы *перви*, *перва* в русской огласовке и всегда с артиклем: *Первата ду булката фл'ава кумата* = "*Первая к невесте входит кума*" (вм. *Първа при булката влиза кумата*).

Зафиксированы также случаи дублирования артикля, что также, на наш взгляд, свидетельствует о его десемантизации: *Ж'ен'етата врават сас попо* (вм. *жените...*) "*Женщины идут с попом*". В говорах с артиклем существительных мужского рода — этот процесс, на наш взгляд, происходит быстрее, о чем свидетельствуют формы с дублированным артиклем (плеонастические формы): *чувалото* = *чувал+о+то*, *мостоко* = *мост+о+суф.к+о*: *Кузит'е к'е ги пр'екараш пр'ес мостоко*, — хотя в данном случае возможно и влияние русского языка (заимствованная лексема *мосток* + *о*). Данные формы свидетельствуют о том, что артикль *-о* воспринимается носителями говоров как окончание существительных среднего рода, в результате чего в говоре происходит перераспределение существительных по роду. Именно в *о*-говорах фиксируем наибольшее количество вариативных и несогласованных по роду форм (*пазаро/пазару/пазара, попо/пону/попа, коно/кону, коня, хазяино/хазяину/ хазяина, идин дядо/идно дядо*): *Т'ейнит'е малад'ош у т'ех, нашийа малад'ош у нас. С'е збира маладожу. Збират с'е малад'ош — моми, ерг'ен'а. Д'ето борч зимаши лъц'ата столовайи. Осч'е чурбъ* /Криничное/. *Киптар — мъжуит'е го нос'ат, кугату кръсто му боли. Кутуроку мързаливо* /Кулевча/.

После появления артикля на местоименной основе в структуре болгарского предложения снова используется местоименный маркер, называемый в лингвистической литературе дублированным дополнением, удвоением, редупликацией, репризой. Эта грамматическая реприза появляется, прежде всего, там, где не может употребляться артикль, — при личных и дейктических местоименных формах, именах собственных, названиях родственников и т. п. Таким образом, происходит дублирование информации, так как обе формы содержат имплицитную определенность. И реприза, и артикль входят в ядро функционально-семантического поля детерминации, которое, на наш взгляд, представляет собой часть суперкатегории дейксис — "указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами" [7:128]. Дейксис — универсальное свойство языка, но виды и способы выражения дейксиса в различных языках варьируют и представлены в разной степени. В балканских языках "указательность" сопровождает все именные и глагольные категории, где представлена зачастую в плеонастической, гипертрофированной форме. Именно в такой форме она сохранилась и в болгарских переселенческих говорах Украины. В отрыве от метрополии переселенческие говоры в условиях несбалансированной языковой ситуации в небалканской языковой среде развиваются "по новым правилам". Об их дебалканизации свидетельствует противоположная направленность тенденций

в современном болгарском языке и в исследуемых говорах. Так, в современном литературном болгарском языке наблюдается усиление частотности и употребительности артикля. Эта же тенденция была свойственна и исследуемым переселенческим говорам. Однако в настоящее время в речи младшего поколения усиление частотности употребления артикля не обнаруживается. Отклонения от нормы его употребления свидетельствуют о его семантической опустошенности, артикль обрастает новыми модальными оттенками. Индекс его нестабильности, по нашим подсчетам, составляет в среднем 17% [5]. Противоположную направленность тенденций, как уже отмечалось, наблюдаем и в сфере местоимений.

Проведённые нами исследования позволяют сделать некоторые выводы. Иноязычное окружение наложило свой отпечаток на быт и язык бессарабских болгар. Однако изменения, происшедшие в их языке, относятся, главным образом, к области словаря. В грамматике "потери" идут по линии сокращения отдельных разрядов той или иной грамматической категории - не употребляются уже многие будущие и прошедшие времена, формы пересказа, беспредложный аблятив, формы пересказывательного наклонения, в ряде случаев артикль и т. п. В формообразовании характерны многочисленные случаи дублетных глагольных форм. Потеря этих грамматических форм обусловлена инновациями в способе языкового мышления. В послевоенный период, в период активизации межэтнических отношений, введения всеобщей грамотности с обязательным изучением русского языка, значительно увеличилось количество русизмов во всех языках национальных меньшинств, в том числе и в исследуемых болгарских говорах. Однако это не повлияло существенным образом на грамматический строй исследуемых говоров в тот период. Для кардинальных изменений грамматической системы необходимо "переключение кодов" в сознании билингва, которое произошло несколько позже, когда появилось новое поколение — с русским языковым сознанием и новой системой кодов. Переключение кодов осуществлялось путем калькирования усвоенных в школе или институте русских конструкций и отразилось на морфосинтаксическом уровне. Типично балканские когнитивные структуры — дейксис и пересказ — в Украине, в небалканской языковой среде, теряют свое семантическое наполнение, сохраняя иногда в гипертрофированном виде формальные показатели.

1. *Георгиев В.* К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. — М., 1972.
2. *Демина Е. И.* Размышление над явлением языковой интерференции на грамматическом уровне // Традиция и современность в болгарском языке. — София, 2001.
3. *Журавлев В. К.* Говор села Кряничное (Чешма-Варунта) // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. — Вып. 7. — М., 1956.
4. *Иванчев Св.* Болгарският език — класически и екзотичен. — София, 1988
5. *Колесник В. А.* Тенденции употребления артикля в болгарских говорах Юга Украины // Слов'янський збірник, Одеса, 2002. — Вып. 1Х.
6. *Лашкова Л.* Основни балкански трансформации на славянските граматични модели и средства в българския език // Общност и многообразие на славянските езици. София, 1997.
7. *Лингвистический энциклопедический словарь.* — М., 2002.
8. *Пашов П.* Българска граматика. — София, 2002.
9. *Русский язык конца XX столетия (1985—1995).* — М., 1996.
10. *Трифонов Й.* Към историята на членните форми в български език. — София, 1931.
11. *Харалампиев И.* Развойни процеси в съвременния български език // Българистични проучвания. — Велико Търново, 2002. — Вып. 8.
12. *Харалампиев И.* Реквием за бройната форма на съществителните имена от мъжки род // Проблеми на българската разговорна реч. — Кн. 2. — Велико Търново, 1994.
13. *Циньян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. — М., 1990.

В. О. Колесник

ІННОВАЦІЇ В ГРАМАТИЧНІЙ СИСТЕМІ БОЛГАРСЬКИХ ПЕРЕСЕЛЕНСЬКИХ ГОВОРІВ ПІВДНЯ УКРАЇНИ

У статті описано особливості морфологічної системи болгарських переселенських говорів Одеської області, спричинені впливом східнослов'янських мов і активізацією деяких морфологічних процесів, що є архаїчними для болгарської, але продуктивними в сучасних російській та українській мовах.

Ключові слова: болгарська мова, морфологія, діалектологія, мовні контакти, болгарсько-російська інтерференція.

V. A. Kolesnik

INNOVATIONS IN GRAMMAR SYSTEM IN BULGARIAN IMMIGRANT DIALECTS IN SOUTH UKRAINE

The peculiarities of morphological system of Bulgarian immigrant dialects in Odessa region caused by the influence of the East Slavonic languages and activization of certain morphological processes, archaic for Bulgarian but productive in the contemporary Russian and Ukrainian languages have been described in the article.

Keywords: the Bulgarian language, morphology, dialectology, linguistic contacts, Bulgarian- Russian interference.